

Ровно год назад «ЭС» опубликовала главу из моего «плутовского романа» — «Завещание Глинки» — о приключениях композитора-халтурщика Леонарда Тер-Фужерова, разыскивающего якобы где-то хранящееся завещание великого композитора, откуда можно узнать секрет — как быстро стать богатым и знаменитым.

В публикуемой ниже главе рассказывается о визите Фужерова в Ленинград в связи с этими поисками.

Полностью роман выходит в издательстве «Советский композитор» со вступительной статьей Юрия Нагибина. Н. Б.

«Три карты, три карты, три карты!»

(Опера по либретто Модеста Чайковского).

Согласно законам профессиональной субординации, существовавшей в ВОМСе*, прежде чем начать бурную деятельность по розыску завещания, Леонард направился с визитом к своему знаменитому коллеге, сочинителю Светловидову, занимавшему важный пост заместителя заведующего ленинградским отделением ВОМСа — ЛОМСом, как мы его впредь и будем именовать.

ЛОМС занимал роскошный двухэтажный особняк на одной из аристократических в прошлом ленинградских улиц. Характерный для Ленинграда бордаты и не такое выдвигавший швейцар распахнул массивные двери особняка перед Леонардом.

После деликатной борьбы с гардеробщицей, которому он, напуганный столькими потерями, не хотел отдавать бесполою шляпу, наш герой прошел через уставленные роялями, резными дубовыми столами и огромными кожаными диванами залы и холлы и очутился в маленькой приемной заместителя заведующего, нисколько не сробев перед открывшейся его глазам роскошью особняка, так как уже натренировался на лицемерии излишеств в своих гостиничных апартаментах.

Длиннолицая секретарша заведующего, Таня Спирина, брезгливо спросила у Леонарда:

— Как доложить?

Она скрылась за дверь начальства. Минуты через две вышла из кабинета и, сказав на ходу: «Можете войти», быстро прошла мимо Леонарда, унося под мышкой бутылкообразный сверток в газетной бумаге.

Леонард беспокойно втянул трепещущими восточными ноздрями знакомый с детства запах коньяка «ОС», но секретарша уже скрылась в полутьме коридора, и Фужеров, машинально одернув сшитый навырост пиджачок, глотая слюну, вошел в кабинет заведующего.

...Павел Васильевич Светловидов был знаменитым и славным мастером. В прошедшие годы войны песни его, веселые и нежные, грозные и грустные, трагические и боевые, были на устах у всего народа, плававшего ему горячей признательностью. Кончилась война, и он продолжал выдавать «на-гора» песни ничуть не хуже, но в значительно меньшем количестве. Потом вдруг решил, что он крупный театральный композитор, и написал две оперетты. Одну из них, написанную с жуликом-драмателем Нехайловым, никто и слушать не хотел, а другая была сочинена двумя опытными драматургами Пассом и Червяковым, решившими на этот раз, что Пашка «вывезет», и написавшими пьесу спустя рукава. Жизнь не подтвердила этой теории, и оперетта из-за плохой пьесы тоже нигде не пошла. Пристыженные драматурги кинулись переделывать либретто, вовлекая в эту авантюру и Светловидова, попавшего, вообще говоря, как кур в ощиц в сложные театральные дела, абсолютно чуждые складу его большого, но чисто песенного дарования.

Заодно с опереттой он решил переделать свой довоенный, не снякший в свое время оаций, балет «Тарас Шевченко» и теперь, окончательно запутавшись в крупной форме, а также

* ВОМС — Всесоюзное общество музыкальных сочинителей.

в большом количестве общественных обязанностей, запил горькую, к чему у него была всегда явная и очевидная для окружающих склонность.

Леонард почтительно остановился на пороге. Усатое красное лицо Светловидова, обрамленное двумя полукругами иссиня-черных волос, приятно улыбалось. За толстыми водолазными стеклами очков приветственно подмигивали подслеповатые глазки.

— Здорово, Люня, почему редко заходишь? — непринужденно спросил хозяин, не имея в виду пешего перехода от столицы до неских берегов, а просто не помня, кто из его коллег

Никита БОГОСЛОВСКИЙ

«ЗАВЕЩАНИЕ ГЛИНКИ»

ПЛУТОВСКОЙ РОМАН

ЧЕТВЕРКА, СЕМЕРКА, ТУЗ

где живет, так как сам постоянно болтался между Москвой и Ленинградом.

— Здравствуй, Пашечка, как здоровычко? — торопливо отвечал Фужеров, постыдно вилля бедрами и впадая в привычно-подхалимские интонации, — вот приехал своих дружок навещать, погулять по вашим красивым проспектам. В Эрмитаж зайду, в Русский музей. Давненько там не был! — Слово «давненько» было явно лишним в последней фразе, это почувствовали и гости, и хозяин.

— А мы с тобой еще и в кунсткамеру зайдем. Там младенцы в спирте еще с петровских времен. Так что, как говорится, и выпивка, и закуска! — восторгаясь собственным остроумием, заметил Павел Васильевич и гулко захохотал.

Леонард вежливо хихикнул, готовясь продолжить дружеский разговор, но в это время открылась дверь кабинета, и вошел еще один московский гость — близкий друг и многолетний соавтор Светловидова, поэт Андрей Фетисов.

— Люнька, сволочь, ты как сюда попал? — удивился вновь прибывший. — Здравствуй, Андрей, — стараясь сохранить достоинство, чопорно ответил Леонард.

— Ах, ты халтурщик, — развязно-добродушно продолжал Фетисов, — наверно, привез сюда свою макулатуру с Копировым и Норвежцевым. Нет, брат, не пройдет. Уж я здесь отовсюду при Пашкиной помощи деньги выкачал. Кстати говоря, с кем ты написал эту дрянь «Ангелы мира»? Это же переписки Людолюбова, а стихи украдены у меня. Как тебе...

Он не успел договорить. Внезапно, в полсекунды, произошло чудесное превращение. Только что окружающие видели перед собой скромного, неважно одетого bruneta с вежливой улыб-

кой и добродушными черными глазами, как вдруг перед их изумленным взором возник воинственный призрак легендарного армянского царя Давида Сасунского, с топорщащимся шлемом волос, в гневе раздувающимися ноздрями, горящими глазами и лицом, искаженным в дьявольской гримасе. Под латами вздымавшегося пиджака угадывалась трикотажная кольчуга. Хватаясь, как за рукоятку дамасского меча, за пряжку брючного ремня, древний царь заорал на Фетисова нечеловеческим голосом:

— Сволочь! Подонки! Всех на Колыму! На каторгу! Запорю! В кандалы-наручники! Измордую! Наказывать плетью и бросить собакам! На плаху!!!

Светловидов и Фетисов, онемев от удивления, молча слушали набор архаизмов, вылетающих из груди Фужерова вместе с хриплым дыханием и свистом.

Светловидов двинулся было к двери за помощью, но вдруг Фужеров неожиданно замолк на полуслове. Прервавшись за одно мгновение опять в добродушного парня, он, как ни в чем не бывало слизывая с губ пену исчезнувшего бешенства, обратился к Светловидову, словно продолжая прерван-

голем карты были его пагубной страстью, чем он и компенсировал отсутствие в себе сладострастных инстинктов женолюбца.

Бережливый плановик в его сердце быстро отступил на задний план, и Леонард, стыдно улыбаясь, стараясь казаться равнодушным, произнес:

— Ну что ж. Можно перекинуться полчаса!

Композитор Светловидов любил играть на рояле, так как в полированной глади его крышки отчетливо отражались карты партнеров.

Все трое сели, поджав ноги, на концертный Блютнер.

Только Фетисов приготовился метать выпавший ему по жребью банк, как отворилась дверь и вошла секретарша Таня, нимало не удивленная, очевидно, привычным для нее зрелищем. Фетисов и Светловидов не двинулись с места и только оробевший Леонард стыдливо прикрылся портфелем.

— Павел Васильевич, уже десять минут четвертого. Вы хотели поехать на футбол. И потом, собралось очень много ожидающих. Ведь сегодня прие-

— Я занят, — ответил Светловидов, не в силах оторвать глаз от сданного ему Фетисовым червового туза. — По банку, — добавил он, как во сне. — Так что же сказать все-таки? Вот что: у меня делегация учеников детского хорового училища.

Дети-хористы с сомнением посмотрели на свои заросшие волосами руки, в которых вместо вокальных партий держали замызганные карточки.

— Перебор! — вдруг диким голосом заорал Светловидов.

Жалобно резонируя, застонали потревоженные обертонны блютнеровских струн, а ожидавшие в приемной вздрогнули и боязливо переглянулись.

Видя, что от загипнотизированного начальника больше ничего не добьешься, Таня грустно вздохнула и на цыпочках вышла.

— Придется ждать, — скорбно сообщила она обступившим ее посетителям, — там детская делегация.

В это время в кабинете шла напряженная, интенсивная работа. Изредка сосредоточенное молчание прерывалось короткими деловыми репликами участников совещания: «Еще!», «Дай две на полбанка!», «Казна!», «Стучит!».

— Перебор! — вдруг вторично заорал Светловидов.

Опять зазвучали блютнеровские обертонны и вздрогнули посетители, втайне осуждая светловидовский стиль разговора с юными вокалистами.

Фужерову сильно везло. Он успел уже расписать по карманам много четвертных и сотенных бумажек, оставив возле себя лишь небольшие, как он говорил, «рабочую», кучку купюр.

Банк держал опять Фетисов. Окрыленный успехом, Леонард, почти не думая, сказал: «По банку», купил к десятке валета, а потом и туза, что убавило из его счастливого выигрыша кругленькую сумму в пятьсот рублей.

Тем временем за дверью послышался мышиный писк и царапанье. Это давали о себе знать посетители и любители футбола, а самый настойчивый и недоверчивый из них, сочинитель Слеп, воспользовавшись отсутствием Тани, поочередно прикладывал к замочной скважине то ухо, то глаз, не торопясь, подошел к двери и ткнул в скважину тупой стороной карандаша. Раздался приглушенный писк, и посрамленный враг, держась за ухо, заполз обратно на свой стул.

Однако явные признаки нетерпения, выходящие ожиданиями и опаздывающими на футбол без машины к началу игры, побуждали Павла Васильевича поскорей закончить карточную партию.

— Последняя рука, — провозгласил он и, сдав карты, небрежно кинул на рояль три сотенных бумажки.

Лихач Фетисов пошел по банку и незамедлительно проиграл. Леонард, в котором бесшабашный гуляка стал сдаваться расчетливому плановику, пошел на полста и выиграл. Фетисов опять сунулся по банку и опять погорел. Так продолжалось несколько раз. Наконец в банке скопилось тысяча четверта рублей.

— Стук, — сообщил Светловидов, относя это одновременно и к банку, и к дверям, за которыми посетители и болельщики чрезвычайно активно и

оживленно выражали свое нетерпение.

— Полсотни, — привычно сказал Леонард, видя, что Светловидов сдал ему ничтожную семерку и получил после этой декларации трефового короля, поразительно похожего на портрет деда-мариниста.

Мучительно размышляя, не прибавить ли, Леонард вдруг явственно заметил, что дед-король ему поощрительно подмигивает. Чувствуя родственную поддержку, Леонард вдруг хрипло произнес: «По банку!» и схватился одновременно за сердце и за грудной карман с купюрами.

С беспечной улыбкой Светловидов небрежно бросил карту нашему герою. Тот схватил ее на лету и, не смотря, плотно прижал к коронованному дедашке. Затем он стал медленно тянуть карту, вписавшись в нее горящими восточными глазами. Вдруг руки Леонарда бессильно разжались.

— Двадцать два, — горестно прошептал он и, уронив дедушку на пол, показал партнерам грязного бубнового туза.

— Ну что ж, дело обыкновенное, — весело сказал Светловидов. — Прощу деньги на бочку! — и, торопя застывшего в горе Леонарда, он побандитски, нетерпеливо, полез к нему в грудной карман.

— Пустя, я сам! — воскликнул патетически наш герой и с отвращением, тщательно пересчитав, отдал деньги Павлу Васильевичу, который небрежно сунул их в брючный карман, оттопырившийся от полученных утром в издательстве тысячных пачек.

— Там не хватает десятки, так я тебе из Москвы телеграфом... — краснея за свою несостоятельность, пролепетал честный Леонард.

— Ла ладно, что там. Сочтемся, — ответил заместитель заведующего ЛОМСом и недовольно поковырял на запертую дверь, в которую посетители начали размеренно ударять каким-то тяжелым предметом.

— Между прочим, пора обедать, а с тебя, Пашка, как с выигравшего, приходится, — заметил Фетисов, не обидевшись, однако, тот факт, что Светловидов выиграл только последний банк, а основной выигрыш достался ему.

— Ну разумеется, — спохватился хозяин, — да и гостя дорогого надо чествовать. Тем более, так редко заходит, — и Светловидов опять опасливо поковырял на дверь, поддающуюся уже под гулкими ударами неведомого тарана. — И к черту этот футбол, — добавил он. — Через приемную мы не пройдем. Может быть скандал. Вряд ли кто поверит, что юные хористы так подросли за полчаса, — предупредил Павел Васильевич друзей.

Леонард, не видя в кабинете больше ни одной двери, опасливо выглянул в окно, ожидая увидеть веревочную лестницу.

Тем временем Светловидов вынул из жилетного кармана ключ и с гостеприимной фразой: «Хозяин просит дорогих гостей...» учтиво распахнул перед партнерами дверцы изящного шкафа красного дерева, стоявшего в углу у стены.

Изумленные Фетисов и Леонард робко вошли в открывшуюся перед ними тьму. Светловидов, на ходу запиная в карман подозрительную колючку, присоединился к ним и тихо закрыл за собой дверцы изнутри на крючок.

В это мгновение тяжелые, карельской березы, двери, ведущие из приемной, с треском растворились, и в кабинет с грохотом упал навзничь один из обманутых посетителей, сочинитель Слеп, держащий в руках огромный диванный валик, которым совместно с другими ожидающими он орудовал, как тараном.

В окно, открытое настежь, ворвался буйный порыв теплого ветра и взметнул с пола на рояль рокового дед-короля, коварного соблазнителя и погубителя нашего героя.